

ЕЙ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 95

Что было за парадной дверью этого красивого подъезда — в ее частной жизни, — осталось неизвестным. Она все утаила в себе. Плакала ли, испытывала ли одиночество, разочарования? Она ни разу не дала слабину — все хранила и забрала с собой. Никто не может вспомнить, чтобы про нее ходили какие-нибудь сплетни. Безупречная репутация. Роскошная жизнь. Редкая, долгая любовь. Всепобеждающий успех, которого не имел никто. Все остальное спрятано, не допущено до глаз. Глаза людей видели только то, что хотели видеть. Они хотели видеть первую советскую суперзвезду, богиню — и получали ее. Она приняла эту роль, так и не сыграв собственной. В этом плане Орлова — настоящая звезда, каких нет даже на Западе. С ней схожа, пожалуй, только Грета Гарбо. Та тоже принесла себя в жертву имиджу, прекрасной, таинственной маске, которую так хотел зритель.

Никто не видел Орлову растрепанной, расстроенной, уставшей. Она была фантастической американской мечтой, сказкой, от которой шалел пролетарий, никогда такого не видевший. Ни одной из наших актрис не удалось так надолго продлить свою звездную жизнь. Татьяна Окуневская, острая на язычок, обзывающая всех, не обзывает только Орлову — она ценит ее за сдержанность и интеллигентность. Непонятно, как с этим аристократизмом ей удалось выжить во времена Сталина. Ее не коснулись. Какой ценой далась ей эта неприкосновенность?

Впечатление, которое она оставила в людях, — ослепительное. Люди, которые ее помнят, вспоминают о ней только хорошее. Ей ничего нельзя припомнить. Можно только домыслить или сочинить. Она сумела быть идеальной во всех отношениях. Может быть, мы когда-нибудь узнаем тайны Орловой. Одна актриса, которую мы спросили, знает ли она что-нибудь нестандартное про Орлову, ответила: "Не знаю, но даже если бы знала, никогда не сказала бы об этом".

Конечно, ей с Григорием Александровым завидовали. Они жили счастливее, благополучнее и богаче других. К Александрову всегда обращались со всякими просьбами, кончая просьбой дать денег. Он был очень вежливым. Отношение к нему всегда было чуть ниже, чем к Орловой. Считали, например, что он большой враль. После смерти Сталина он начал рассказывать небывлицы, как будто к нему в монтажную забегал Иосиф Виссарионович и начинал вмешиваться в монтажный процесс. Начиная он вместе с Эйзенштейном и Пырьевым у Мейерхольда. В одном из его спектаклей Александров ходил по канату под куполом. Первая его жена, до Орловой, была оттуда же, актрисой, она родила ему сына, которого назвали соответственно веяниям времени Дугласом. Когда началась борьба с космополитизмом, Дуглас стал просто Васей. Вася умер раньше отца. После его смерти и смерти Любови Петровны Александров зарегистрировал брак с женой сына Галей, чтобы оставить ей свое колоссальное наследство.

Александров начинал ассистентом Сергея Эйзенштейна. Они разошлись после "Веселых ребят", где Эйзенштейн монтировал начинающему режиссеру самую известную сцену фильма — сцену драки. Киновед Марк Кушнирович написал нежную, увлекательную книгу — почти что сагу об Александрове и Орловой, о жизни этой довольно странной семьи. Книга так и не была напечатана. Доступа к ней нет, потому что Кушнирович уехал надолго в Германию и, по-видимому, увез с собой это весьма неофициальное чтение. Кушнирович писал в ней об отношениях Александрова с другими женщинами и открыл пикантные подробности сексуальной связи Александрова с Эйзенштейном.

Было ли это правдой, неизвестно, тем не менее при Сталине Григорий Васильевич был чрезвычайно благополучен. Он занимал огромную в то время должность — входил в комитет по Сталинским премиям, был любимцем вождя (Сталин любил "Веселых ребят", "Цирк", "Волгу-Волгу"). В 1946—1947 гг. он имел редчайшее право ездить с Орловой по всем капиталистическим странам.

Еще жива Валентина Владимировна Кузнецова (при царе роди-

лась!), ассистентка Эйзенштейна на "Александр Невском" и "Иване Грозном". После его смерти она перешла к Александрову и делала с ним "Встречу на Эльбе" и "Композитора Глинку". Она была у них на даче во Внукове. Любовь Петровна сервировала стол невиданной красоты. Она готовила курицу, облитую горячим оливковым маслом, и угощала салатом из рябчиков. Орлова могла позволить себе съездить в Париж и купить там какие-то небывалые раковины с запеченной рыбой. Около каждого гостя стояли три рюмки для напитков, набор ножей и вилок и обязательно — цветок. Она имела то, чего не имели другие. Например, туфли с прозрачными каблучками (мо-

жизни было немало. Они всегда разговаривали только на "вы". Что скрыто за этим "вы" — отсутствие сексуальной близости или шик высшего света? Рассказывают, что на одном из приемов к Александрову подошел Сталин. "Если хоть один волосок упадет с головы этой женщины, я вас рас-с-треляю!" — сказал он. Всем казалось, что с каждым годом Александров любил ее все больше и больше. Они всегда вдвоем справляли Новый год, никого не приглашали. За десять минут до боя курантов они выходили в парк, поздравляли друг друга, целовались и стояли так, держась за руки. В половине первого они возвращались на дачу. Это был ритуал, который никогда не нару-

чительный киновед Анри Суленович Вартанов снимал Орлову на телевидении, когда ей было уже немало лет. Орлова с Александровым приехали в студию и были невероятно изысканными друг с другом. Она умело прятала все, что могло выдать возраст. На ней было сумасшедшее декольте. Руки (у нее были проблемы с суставами) она умно держала под столом. Она низила свой голос, чтобы он не дребезжал. Студийцы обалдевали: "Сколько ей лет? Она потрясающе выглядит!"

Александров делал все, чтобы его жена подавалась прекрасной. Перед съемкой он поставил ей под стул специальную подставку, чтобы камера светила ей прямо в лицо.

МЭРИ ВЕРИТ В ЧУДЕСА

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА

Эта странная-странная женщина — обожаемая, вознесенная, любимая — не оставила после себя ни одного живого следа. Ее жизнь — тайна, которую она сама себе позволила

да эта у нас только что отлетела). Они удивительно красиво жили, и Любовь Орлова любила так жить. В советское тоталитарное время она была абсолютно европейской женщиной.

Странностей в их семейной

шался.

Громадная доля ее славы — его работа. Он поддерживал в ней статус звезды, небожительницы. Небожительница не имела права меняться с возрастом. Не имела права на старость. Не имела возраста. Заме-

Свет разглаживал ей морщины, с которыми она маниакально боролась всю жизнь. Она была вся сделана. Тогда не было имиджмейкеров, но они с мужем уже умели это делать.

Она ни за что не хотела меняться с возрастом. У нее был комплекс вечной девушки. До конца жизни она сохраняла немислимую форму. Она хотела оставить себя такой, какой мечтает оставить себя женщина. Она объявила войну времени. Это была постоянная титаническая война. Орлова одной из первых в стране стала делать пластические операции. Их было много. В одном из последних фильмов Александрова "Скворец и Лира" на это было уже невозможно смотреть. Она превратилась в мумию. Наверное, это стало ее трагедией. Рассказывают, что она выписала из-за границы какой-то удивительный крем. Она наносила его на лицо и выходила к народу такой, какой хотела себя подать. Крем действовал час или полчаса, ровно через это время она убежала несмотря ни на что. Уже в последние годы ее жизни один кинокритик добился права взять у нее интервью. Она разговаривала с ним дома, сидя за занавеской.

Осталось совсем мало людей, кто общался с Орловой. В театре им. Моссовета ее снимала чудесная Вера Семеновна Петрусова, старейший и, слава Богу, ныне здравствующий фотограф, сделавшая снимки Мордвинова, Марецкой, Раневской, Плятта. От фильма "Встреча на Эльбе" в живых сейчас только два человека — Валентина Владимировна Кузнецова и актер Владлен Давыдов. Владлену Семеновичу было тогда 24 года. Он играл советского красавца майора, а Любовь Петровна — американскую красавицу журналистку. Она была вдвое старше его. Она никогда не снималась после 12 ночи. Это знал оператор Тиссэ, который сделал все, чтобы она выглядела на экране прекрасной. У нее был свой фургон на "Мосфильме", где она отдыхала и гримировалась.

Она возбуждала невероятно сильные чувства. Такого обожания, такой славы не знала ни одна актриса. Это был прекрасный американский миф, занесенный в нашу действительность, в который поверили все. И поверив, не хотели разочаровываться. И она этого не допустила. Никто не хотел видеть свою обожаемую звезду стареющей и некрасивой. Она не постарела. Она отслужила своему народу до конца. Орлова осталась Мечтой. Чего ей это стоило, знала только она.

Наталья РТИЩЕВА.

Автор благодарит за помощь в организации материала Веру Иванову, Анри Вартанова, Валентину Кузнецову, Владлена Давыдова, Бориса Криштула. Отдельное спасибо Вере Семеновне Петрусовой за предоставленные фотографии.

Любовь Петровна ненавидела сниматься на фото. Она панически боялась фотокамеры. Вся каменела. Она понимала, что фотокамера может запечатлеть только одно мгновение, и боялась, что это мгновение будет не самое лучшее. У нее было трудное лицо. Снимать ее можно было только с одной точки — на уровне носа: у нее были явно выраженные скулы. Она знала, что улыбаться ей надо тоже в меру. Александров всегда заранее знал, как он будет снимать Орлову. Он знал ее возможности и как можно поднять ее планку до такой высоты, когда это всех разволнует, с какой стороны ее осветить, чтобы это было для нее выгодно. Ее нужно было снимать прямым светом — почти в лоб и никогда сбоку. Морщин у нее никогда не было. У нее ампула — без всяких морщин.

Она — женщина на все вкусы. Орлова не была сексуальной, но обладала невероятным женским очарованием. То, что Козловский называл: "Поди сюда". Я как фотограф носилась за ее ногами. Они были совершенной формы и невероятно длинные. Орлова была парадная женщина. Она не любила драгоценностей, но обожала меха и духи. В ней было невероятное женское начало. Фигура у нее была идеальная, она очень следила за собой, поэтому выходила к людям абсолютно готовой. Марецкая не боялась быть некрасивой. Орлова хотела быть только прекрасной. Эта женщина всегда выглядела на тот возраст, который сама себе назначала.

Вера ПЕТРУСОВА, фотограф.

Она была звезда, что во времена пролетарской культуры было невероятно трудно. Это требовало жертвы. В этом плане она абсолютно трагический персонаж эпохи. Она ни в одной картине ни с кем не целуется. До нее никто не мог догнаться. Она была одновременно абсолютно любимой и абсолютно недоступной. Наверняка это волновало пролетария: "Я бы хотел с такой жить, но никогда не смогу". Она даже мужу сумела внушить любовь до смерти. То, что она не сумела сыграть собственную роль, тоже трагедия времени. Это тайна, как ее личная жизнь. Счастье, что все это осталось тайной.

Иван ДЫХОВИЧНЫЙ.